

СТРАТЕГИЯ: ВАЖНЕЙШИЕ АСПЕКТЫ

А.Д. Некипелов

Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

О ресурсном проклятии и его влиянии на тактику и стратегию экономического развития

В статье ставится под сомнение правомерность объяснения сбоев в развитии российской экономики ресурсным проклятием. Признается, что увеличение притока иностранной валюты в результате открытия новых месторождений полезных ископаемых создает ряд проблем для развития национальной экономики, описываемых классической моделью «голландской болезни». В статье высказывается мнение о возможной полезности формирования крупных запасов нефти для повышения устойчивости российской экономики и усиления ее конкурентных позиций. Отстаивается позиция, в соответствии с которой государству с утяжеленной производственной структурой следует применять режим грязного дрейфа национальной валюты, а в денежно-кредитной политике ориентироваться на ряд показателей (помимо инфляции – на уровни валютного курса и процентной ставки) и быть готовым в кризисных ситуациях оперативно вводить ограничения по капитальным статьям платежного баланса. Автор обращает внимание на большое значение формирования эффективного механизма использования рентных доходов для решения стратегической задачи модернизации российской экономики.

Ключевые слова: бюджетная политика, валютный режим, голландская болезнь, денежно-кредитная политика, нефтяная игла, природная рента, ресурсное проклятие, страховые запасы.

Классификация JEL: E42, E43, E52, E62, F31, F43.

Стало привычным делом списывать разнообразные проблемы, с которыми сталкивается наша страна, на якобы тяготеющее над ней ресурсное проклятие. Экономисты и политические деятели не устают рассуждать о нефтяной игле, на которой оказалась российская экономика, о поразившей ее «голландской болезни». Но действительно ли сырьевые отрасли являются изгоями современной экономики? И если наличие природных ресурсов приносит столько бед, то почему за доступ к ним в мире постоянно ведется столь ожесточенная борьба?

Классическое объяснение «голландской болезни» (Corden, Neary, 1982) отталкивается от ситуации, когда в рассматриваемой стране неожиданно обнаруживается новое крупное месторождение природного ресурса. Историческим прототипом стало открытие Гронингенского месторождения природного газа в Голландии в 1959 г., а термин «голландская болезнь» обязан своим существованием статье (The Dutch Disease, 1977).

В соответствии с данной теорией дальнейшие после открытия природных запасов события протекают следующим образом. Внешний спрос на добываемое на новом месторождении сырье приводит к резкому увеличению притока валюты в страну. Если центральный банк скупает излишек валюты, то увеличивается денежное предложение и, в конечном

счете, повышается уровень внутренних цен. Если же денежный регулятор воздерживается от интервенций на валютном рынке, то номинальный курс национальной валюты начинает расти. В обоих случаях неизбежным становится повышение ее реального курса. В результате отрасли обрабатывающей промышленности, производящие так называемые торгуемые товары, теряют конкурентоспособность и производство в них начинает сворачиваться. Иначе обстоит дело в не подверженных внешней конкуренции видах деятельности – сфере неторгуемых товаров и услуг. Спрос, а с ним и цены на эти товары и услуги, повышается благодаря дополнительному доходу от экспорта сырья. Конечным результатом становится процесс деиндустриализации, проявляющийся в перетоке факторов производства из обрабатывающей промышленности в добывающую отрасль, а также сферу неторгуемых товаров и услуг (Ellman, 1981). Структурная ломка, кроме того, сопровождается увеличением инфляции и ростом безработицы.

Трудно спорить с тем, что в рассматриваемом случае структурные изменения такого рода, действительно, будут иметь место. Но важно не преувеличивать их силы. Дело в том, что выросший первоначально курс национальной валюты в дальнейшем неизбежно совершит частичный отскок в силу либо сократившегося притока валюты от экспорта

торгуемых товаров, либо возросшего спроса на валюту для замещения производства этих товаров внутри страны. Через определенное время после открытия нового месторождения (в долгосрочном плане) отраслевая структура экономики стабилизируется; при этом сектор торгуемых товаров уменьшится, но отнюдь не исчезнет полностью. Инфляция и безработица вернутся к нормальному уровню.

Сомнительно также, что произошедшие изменения в структуре производства можно однозначно считать негативными, на что намекает уничижительный термин «деиндустриализация». И дело не только в том, что современные отрасли добывающей промышленности представляют собой сложнейшие производства, но, являясь источником спроса на высокие технологии, эти отрасли активно способствуют их интенсивной разработке (в том числе отечественным сектором НИОКР). Станным с точки зрения природы рыночной экономики является само разделение видов деятельности на прогрессивные и непрогрессивные вместо их деления на эффективные и неэффективные.

Обратим внимание и на то, что ключевой элемент в механизме «голландской болезни» – массивный приток валюты в страну. Но ведь это «несчастье» может стать следствием не только открытия месторождений полезных ископаемых, но и, например, создания в рассматриваемой стране нового, технологически совершенного производства, продукция которого пользуется успехом на мировом рынке. И в этом случае будет иметь место давление на курс национальной валюты в сторону повышения, неизбежными станут изменения в размещении ресурсов, рост цен и структурная безработица. Не означает ли все это, что источником «голландской болезни» может быть не только ресурсное, но и технологическое проклятие?

И такое расширительное толкование «голландской болезни», увязывающее возможность ее возникновения с любыми причинами резко возросшего притока валюты в страну, существует. Например, как отмечает (Kamas, 1986), даже крупная международная помощь может стать причиной появления этого недуга.

Одно важное отличие у сырьевой сферы все же имеется: она имеет дело с ограниченными природными ресурсами, что физически лимитирует возможное число используемых в соответствующей области факторов производства. Но благодаря платности доступа к эксплуатации природных ресурсов удается сохранить конкурентный характер и в этой отрасли: величина рентных платежей в идеале

устанавливается на таком уровне, что все желающие вести добычу эту возможность получают. Именно поэтому в совершенной рыночной экономике общая тенденция (при абстрагировании от различий в уровнях риска) состоит в выравнивании отдачи капитала во всех (включая добывающие) отраслях. Избыток чистого дохода над нормальной прибылью представляет ренту и изымается собственником ресурса.

С учетом сказанного понятна значимость вопроса о направлениях использования природной ренты собственниками соответствующих ресурсов. Для простоты удобно рассмотреть этот вопрос при допущении, что экономика, о которой идет речь, является открытой и отвечает условиям совершенной конкуренции.

В случае частной собственности на природные ресурсы часть рентного дохода пойдет на потребление их владельцев, остальное – в инвестиции. При этом в условиях равновесия инвестиции будут распределяться по различным видам бизнеса в стране и за рубежом, поскольку их отдача для инвесторов является одинаковой. Таким образом, после того как необходимые ресурсы будут инвестированы в открытое месторождение полезных ископаемых, производственная структура рассматриваемой экономики должна стабилизироваться.

Возможности влияния на структурные изменения в случае, когда государство является собственником природных ресурсов, возрастают в силу нерыночной мотивации этого участника хозяйственной деятельности. Государство может направлять дополнительные средства на увеличение бюджетных расходов социального характера, развитие инфраструктуры, капитализацию институтов развития, инвестирующих в экономику. Но государство как регулятор может использовать рентные поступления и для изменения ситуации на валютном рынке, а тем самым – и на снижение силы структурного шока. Превращение государства в крупного покупателя валюты резко снижает давление на курс национальной денежной единицы, а тем самым смягчает и структурный шок, который испытывает экономика.

В целом оказывается, что при нормальном развитии экономических процессов известные неудобства при открытии крупного месторождения природных ископаемых будут связаны исключительно с трением, возникающим в ходе краткосрочной адаптации производственной структуры экономики к новым условиям. При этом издержки для большого оказываются существенно меньше выгод, свя-

занных с ростом общей величины дохода, получаемого страной в результате эксплуатации нового месторождения. Это и неудивительно: если бы дело обстояло противоположным образом, то после первых неудачных опытов просто не нашлось бы стран, позволяющих вовлекать в хозяйственный оборот новые месторождения.

Рассмотренная интерпретация «голландской болезни» зачастую распространяется на экономику, в которой топливно-сырьевой сектор традиционно занимает серьезные позиции. Но такой прием вряд ли можно признать корректным. Конечно, процессы, похожие на рассмотренные выше, могут происходить в экономике с существенной долей сырьевых отраслей при резком повышении мировой цены на соответствующие товары. Однако ожидать, что такие страны будут иметь дело только с повышением цен на их экспортную продукцию, не приходится. Снижение же цен на топливно-сырьевые товары приводит к прямо противоположным последствиям: сокращению притока валюты в страну, снижению курса национальной валюты, сокращению рентных доходов собственников ресурсов. Но из этого следует, что главная проблема, с которой приходится сталкиваться странам с мощным сырьевым комплексом, состоит не в снижении или повышении цен на его продукцию, а в самой их неустойчивости.

Серьезность проблемы определяется тем, что мировые цены на сырье, действительно, характеризуются повышенной волатильностью. Судя по всему, это связано с двумя обстоятельствами: широким использованием сырья в качестве спекулятивного актива, а также значительной ролью политического фактора в этой сфере ценообразования. Как бы то ни было, ясно, что странам – производителям топливно-сырьевых товаров приходится уделять серьезное внимание тому, чтобы оптимальным образом адаптировать свою экономику к обстановке неопределенности, возникающей из неустойчивости цен на основные товары своего экспорта. При всей серьезности этой проблемы ее не стоит излишне драматизировать сетованиями на ресурсное проклятие. Понятно, что производство невозможно без сырья и энергии, а потому мировой рынок просто не может себе позволить, чтобы их добыча приносила одни неприятности.

Адаптация стран – производителей сырья к высокой волатильности мировых цен на их продукцию возможна по ряду направлений. Остановимся на некоторых из них.

Для нормального функционирования таких экономик принципиально важно суще-

ствование гибкого механизма изъятия природной ренты. Это значит, что риски изменения мировых цен на сырье должны ложиться прежде всего на собственника ресурсов, а не на фирмы, ведущие добычу. В долгосрочном плане действующие в сырьевых отраслях фирмы при любом уровне рыночной цены должны иметь нормальную отдачу на капитал. При этом фирмы, экономические издержки которых не покрываются ценой при нулевой величине рентных платежей, должны, конечно, прекращать производство.

В научной литературе обращается внимание на объективные сложности формирования эффективного механизма изъятия ренты (см., например, (Фетисов, 2006)). В общем виде этот тезис трудно оспорить, однако хотелось бы обратить внимание на то, что в случае государственной собственности на природные ресурсы возможности изъятия ренты существенно расширяются. Поскольку задача государства состоит не только в получении максимального дохода, но и в обеспечении устойчивого развития экономики, оно в отличие от частного собственника проявляет большую готовность увязывать величину изымаемой ренты с текущей рыночной ценой на сырье. Наш собственный опыт в сфере налогообложения сырьевых отраслей подтверждает эту мысль.

Хорошо известно (хотя далеко не всегда в полной мере учитывается на практике), что неустойчивость рентных поступлений государству, вызванная волатильностью мировых сырьевых цен, требует осторожности в принятии постоянных бюджетных обязательств. Разумной поэтому является практика консервативного подхода к увеличению текущих расходов бюджета и направления значительной части рентных поступлений на инвестиции в инфраструктурные отрасли, а также важные для страны модернизационные проекты.

Как известно, адаптация к условиям неопределенности часто связана с формированием страховых запасов. В нефтяной сфере, имеющей особое значение для российской экономики, запасы обычно создаются потребителями в периоды низких цен. Очень мощным инструментом влияния на функционирование мирового нефтяного рынка являются запасы нефти, формируемые в США. Весьма распространена точка зрения, что странам – экспортерам нефти нет особого смысла создавать такие запасы: за них это сделала природа. Однако эта позиция, на мой взгляд, далеко не бесспорна. Простое снижение добычи в периоды низких цен имеет серьезный негативный мультипликативный эффект. Кроме того, в той

игровой ситуации, которая характерна для современного нефтяного рынка, наличие запасов может стать важным инструментом конкурентной борьбы.

Особое значение в условиях современной России имеет правильный выбор денежно-кредитной политики.

Режим регулируемого валютного курса (валютный коридор) в сочетании со свободой как текущих, так и капитальных международных транзакций использовался в нашей стране большую часть времени, прошедшего с начала XXI в. Его несомненное достоинство состоит в том, что он стабилизирует ожидания хозяйствующих субъектов и тем самым содействует экономическому росту. В период высоких цен на нефть в России была отработана оригинальная модель разделения функций в денежно-кредитной сфере между центральным банком и исполнительной властью: интервенции денежных властей на валютном рынке были ориентированы на регулирование номинального курса рубля, а созданный правительством стабилизационный фонд служил инструментом стерилизации избыточной денежной массы (Кудрин, 2006). Правда, эффективность этого механизма существенно снижалась из-за упорного нежелания исполнительной власти вовлекать часть быстро увеличивавшихся валютных резервов в хозяйственный оборот (Nekipelov, 2012).

Однако режим регулируемого курса значительно хуже проявлял себя в ситуации, когда начинался массивный отток средств из страны: валютные резервы быстро таяли; границы коридора оказывалось удерживать невозможно; условия, на которые ориентировались хозяйствующие субъекты, претерпевали радикальные изменения. Можно утверждать, что кризисные ситуации 1998 г. и 2008–2009 гг. подтвердили плохую совместимость фиксированного валютного курса (в том числе такой его мягкой разновидности, как валютный коридор) со свободой трансграничных финансовых потоков¹.

С учетом этого, а также со ссылками на мировой опыт (Юдаева, 2014) с осени 2013 г. был взят курс на переход к свободному плаванию рубля и таргетированию инфляции через уровень процентной ставки. Предполагалось, что такой подход существенно снизит макроэкономические риски и исключит опасность бессмысленной потери валютных резервов. Но быстро выяснилось, что в новых условиях

резко усиливается неустойчивость на микроуровне, связанная с возможностью резких колебаний курса рубля. Попытка подавить последние драматическим повышением ключевой процентной ставки лишила реальный сектор экономики доступа к кредиту не только на инвестиционные цели, но и на текущую производственную деятельность. В тяжелом положении оказалась банковская система. Ситуация усугубилась под действием внешних факторов – введения санкций против Российской Федерации в связи с событиями на Украине, а также резкого падения цены на нефть, начиная с августа 2014 г. В начале 2015 г. российская экономика вошла в рецессию при значительно повысившемся уровне инфляции – сказался рост цен на импортные товары в связи с обесценением рубля.

Свободное плавание рубля и таргетирование инфляции в классическом варианте ставит российскую экономику, сильно зависящую от условий торговли, трансграничного движения капиталов, уровня и динамики валютного курса, в очень сложное положение. Издержки достижения нового равновесия оказываются крайне высокими, что, впрочем, не очень смущает сторонников проводимой политики (см., например, (Dolan, 2014)).

И все же представляется, что оптимальным для современной российской экономики является режим «грязного дрейфа» рубля (*dirty float*), предполагающий возможность интервенций центрального банка на валютном рынке. При этом денежным властям не следует связывать себя установкой на таргетирование инфляции: в поле их зрения должны быть также и другие показатели, в частности валютный курс и процентная ставка (Golovnin, Nekipelov, Nikitina, 2014). Принципиально важно, чтобы в кризисных ситуациях – вроде той, которая сложилась осенью 2014 г., – центральный банк был готов решительно вводить ограничения по капитальным статьям платежного баланса (Ершов, 2014; Некипелов, 2015). Разумеется, эта мера не способна полностью исключить влияние изменений мировых цен на уровень курса рубля. Однако ее применение существенно снизило бы волатильность обменного курса. Не менее важно и то, что при введении жесткого контроля над трансграничным движением капитала отпадает необходимость в использовании процентной ставки как чуть ли не исключительного инструмента стабилизации финансовой обстановки.

¹ В период, предшествовавший финансовому обвалу 1998 г., в стране сохранялись многие валютные ограничения, однако был либерализован доступ нерезидентов к рынку ГКО и ОФЗ. Это решение и имело самые тяжелые последствия.

Что касается долгосрочной перспективы, то основным способом снижения уязвимости российской экономики от резких колебаний мировых цен на минеральное сырье и энергоносители является диверсификация ее производственной структуры. Успешный ход этого процесса в решающей степени зависит от нашей способности использовать рентный доход, приносимый природными богатствами страны, на цели модернизации. Иными словами, соскакивать с нефтяной иглы следует с ее же помощью.

ЛИТЕРАТУРА

- Ершов М.** (2014). О новых финансовых инструментах в условиях санкций // *Аналитический банковский журнал*. № 9 (221). С. 44–45.
- Кудрин А.** (2006). Реальный эффективный курс рубля: проблемы роста // *Вопросы экономики*. № 10. С. 4–18.
- Некипелов А.** (2013). Становление рыночной экономики в России. В кн.: «*Российская трансформация: 20 лет спустя*». Сапир Ж. (ред.). М: Магистр. С. 63–108.
- Некипелов А.** (2015). Нужно за один-два месяца нормализовать ситуацию в финансовой сфере (интервью) // *Российская Федерация сегодня*. № 3. С. 22–25.
- Фетисов Г.** (2006). «Голландская болезнь» в России: макроэкономические и структурные аспекты // *Вопросы экономики*. № 12. С. 38–53.
- Юдаева К.** (2014). О возможностях, целях и механизмах денежно-кредитной политики в текущей ситуации // *Вопросы экономики*. № 9. С. 1–9.
- Corden W.M., Neary J.P.** (1982). Booming Sector and De-industrialisation in a Small Open Economy // *The Economic Journal*. No. 92. P. 825–848.
- Dolan E.** (2014). What Lies Behind the Plunge of the Ruble? [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.economonitor.com/dolanecon/2014/12/27/what-lies-behind-the-plunge-of-the-ruble/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2015 г.).
- Ellman M.** (1981). Natural Gas, Restructuring and Re-Industrialization: The Dutch Experience of Economic Policy. In: «*Oil or Industry?*» Barker T., Brailovsky V. (eds.). London: Academic Press. P. 27–29.
- Golovnin M., Nekipelov A., Nikitina S.** (2014). Choice of Monetary Policy Regime for Catching-Up Economies (Central and Eastern Europe and South-East Asia Cases. В сборнике серии: «*Paper for International Economic Association 17-th World Congress*». P. 6–10.
- Kamas L.** (1986). Dutch Disease Economics and the Colombian Export Boom // *World Development*. Vol. 14(9). September. P. 1177–1198.
- The Dutch Disease (1977). // *The Economist*. P. 82–83.
- REFERENCES (with English translation or transliteration)
- Corden W.M., Neary J.P.** (1982). Booming Sector and De-Industrialisation in a Small Open Economy. *The Economic Journal* 92, 825–848.
- Dolan Ed.** (2014). What Lies Behind the Plunge of the Ruble? Available at: <http://www.economonitor.com/dolanecon/2014/12/27/what-lies-behind-the-plunge-of-the-ruble/> (accessed: May 2015).
- Ellman M.** (1981). Natural Gas, Restructuring and Re-Industrialization: The Dutch Experience of Economic Policy. In: «*Oil or Industry?*» Barker T., Brailovsky V. (eds.). London: Academic Press, 27–29.
- Ershov M.** (2014). On New Financial Instruments Under Sanctions. *The Analytical Banking Magazine* 9 (221), P. 44–45 (in Russian).
- Fetisov G.** (2006). The “Dutch Disease” in Russia: Macroeconomic and Structural Aspects. *Voprosy Ekonomiki* 12, 38–53 (in Russian).
- Golovnin M., Nekipelov A., Nikitina S.** (2014). Choice of Monetary Policy Regime for Catching-Up Economies (Central and Eastern Europe and South-East Asia Cases. In: «*Paper for International Economic Association 17-th World Congress*», 6–10.
- Kamas L.** (1986). Dutch Disease Economics and the Colombian Export Boom. *World Development* 14(9), September, 1177–1198.
- Kudrin A.** (2006). Real Effective Exchange Rate of Ruble: Problems Related to Its Growth. *Voprosy Ekonomiki* 10, 4–18 (in Russian).
- Nekipelov A.** (2012). L'Instauration d'une économie de marché. Dans: «*La Transition Russe, Vingt Ans Apres*». Jacques Sapir (ed.). Editions des Syrtes, 67–118.
- Nekipelov A.** (2015). The Situation in Financial Sphere Should Be Normalised in One - Two Months (An Interview). *Russian Federation Today* 3, 22–25 (in Russian).
- The Dutch Disease (1977). *The Economist*, 82–83.
- Yudaeva K.** (2014). On the Opportunities, Targets and Mechanisms of Monetary Policy under Current Conditions. *Voprosy Ekonomiki* 9, 1–9 (in Russian).

Поступила в редакцию 14 апреля 2015 года

A.Dm. Nekipelov

Lomonosov Moscow State University, Moscow School of Economics, Moscow, Russia

On the Resource Curse and its Effect on Tactics and Strategy of Economic Development

The article calls into question the adequacy of linking the major setbacks in the functioning of Russian economy to the so-called «resource curse». The author acknowledges that an increase in foreign exchange inflow as a result of opening a new deposit of natural resources does create some problems described by the classical «Dutch disease» model. But the inflow of foreign exchange, on the one hand, has a transitory nature and, on the other, cannot devalue the benefits resulting from the increased income. However, an economy with traditionally high share of primary industries is confronted with a problem of different nature – that of an increased volatility of world prices for its exports and, as a result, of the country's income. For such countries it is important to elaborate the efficient mechanism of natural rent collection and to manifest cautious approach to adoption of permanent budget commitments. The author argues that it could be useful in terms of improving the sustainability of the Russian economy and strengthening its competitive position to set up large national reserves of oil. He also defends a position that a country with a significant share of primary sector in its economy should adhere to the regime of “dirty float” of the national currency and pay attention in its monetary policy implementation to several indicators (along with inflation – to exchange rate and interest rates) and to be ready to promptly impose foreign exchange restrictions on capital transactions in case of emergency. The author attracts attention to the significant importance, which the formation of an effective mechanism for the use of rental income has for solving the strategic problem of modernization of the Russian economy.

Keywords: *fiscal policy, foreign exchange regime, Dutch disease, monetary and credit policy, oil dependency, natural rent, resource curse, insurance stocks.*

JEL Classification: E42, E43, E52, E62, F31, F43.

А.Н. Клепач

Внешэкономбанк, Москва

Уроки современных кризисов для экономического развития России

Журнал НЭА,
№2 (26), 2015,
с. 210–218

Рассогласование денежной, валютной, бюджетной и структурной политики является одним из важнейших барьеров развития российской экономики, что особенно остро проявляется в периоды кризисов. Переход к стагнации российской экономики в 2013 г. вызван не только структурными факторами, но и ограничительным характером денежной и бюджетной политики. Восстановление экономического роста, а тем более – темпов, не уступающих мировым, требует значительного смягчения денежной политики. Наряду со структурными преобразованиями российская экономика нуждается в таргетировании курса и модификации бюджетного правила.

Ключевые слова: *кризис, структурные барьеры, таргетирование инфляции, таргетирование курса, бюджетное правило.*

Классификация JEL: E320, E58, O11.

За последние 18 лет Россия пережила три масштабных экономических кризиса. Кризис 1998 г. подвел черту под трансформационным кризисом 1990-х годов и расчистил дорогу для подъема российской экономики. В 2007 г. экономика превысила докризисный, или дотрансформационный, уровень 1990 г. и созрела для новых потрясений и шоков, которые не заставили себя ждать. Мировой кризис

2008–2009 г. изменил траекторию развития российской экономики, и хотя докризисный уровень был восстановлен уже через два года, переход к новой устойчивой модели развития не завершился. Новый кризис, вызванный внешними факторами – санкциями и падением цен на нефть, нанес удар в конце 2014 г., и выход из него может приобрести затяжной, близкий к стагнации, характер.